

Мадам де Помпадур в Москве. Опыт систематизации рисков для российской политики

АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ, ДЕНИС ВОЛКОВ

«Нечего горевать, так и заболеть недолго. После нас хоть потоп» (*Après nous, le déluge*) — эта фраза фаворитки Людовика XV мадам де Помпадур хорошо описывает доминирующее настроение российского истеблишмента. После нынешнего поколения руководителей, и не только в России, может остаться один большой потоп в прямом — с учетом климатических изменений — и переносном смысле слова. Однако мы вспомнили это высказывание потому, что до недавних пор внимание российских элит, включая экономические, было привлечено чем угодно, кроме реально существующих средне- и долгосрочных вызовов.

Лишь недавно они крайне неохотно заговорили о климатических проблемах, признав их серьезными. Наиболее продвинутые экономические на-

чальники еще в прошлом году скептически отмахивались от проблемы изменения энергетического баланса. Теперь же они время от времени упоминают и ее¹. Многочисленные разговоры в ходе этого исследования с осведомленными людьми (не только с опрошенными нами экономистами), понимающими логику мышления верхов, подтвердили гипотезу: *истеблишмент живет по принципу «на наш век хватит»*. В смысле, что на период нашего правления хватит нефти и газа, чтобы получать достаточные доходы в федеральный бюджет и покупать за счет бюджетных расходов лояльность избирателей; хватит избранной стратегии тотального подавления гражданского общества и медийной среды; хватит пропагандистской мощи, чтобы удерживать в подчинении зависящие от государства группы населения. А после этого (того же 2036-го,

предельного периода пребывания Владимира Путина у власти) — «хоть потоп».

Такой подход к оценке рисков свидетельствует о принципиальном отказе не просто от модернизационных усилий, но и от прагматического стратегического мышления. Что среди прочего выдает, например, новая Стратегия национальной безопасности, где много выдуманных угроз с Запада, которыми торгует оптом и в розницу силовая элита, но не упоминается ни одна реальная угроза². Горизонт сегодняшнего государственного мышления — краткосрочный. Между тем настоящие риски для России — долгосрочные.

В чем причины такого рода легкомысленной оценки ситуации? Во-первых, существенная часть истеблишмента просто не верит в быстрые изменения внешней среды и в беспрецедентность новых вызовов, хотя большинство наших экспертов полагает, что элиты начинают понимать масштаб проблем. Во-вторых, их устраивает сложившаяся модель управления, они привыкли существовать в ее границах. Первые два обстоятельства приводят к тому, что, в-третьих, за последние годы люди, принимающие решения, перестали слушать экспертов. Например, им неинтересна социальная политика как таковая, с ее слишком *отдаленными* во времени результатами. Результат нужен здесь и сейчас, с сегодня на завтра, а значит, из всей социальной диагностики и социального программирования люди, принимающие решения, готовы отбирать не связанные между собой меры, например выплаты семьям с детьми. Здесь можно утешать себя фантастически быстро изменившейся в положительную сторону статистикой³. В свою очередь, облеченные полномочиями чиновники, первыми

получающие аналитические бумаги, не готовы настаивать, чтобы начальство выслушивало экспертов. Ведь казнят того, кто приносит плохие вести, зачем же бюрократу провоцировать гнев начальства? Соответственно, складывается ситуация, когда важнее получить успокаивающие цифры, анализ, прогноз, чем реальную и трезвую оценку ситуации с предложением альтернативных мер. Кстати, это одно из проявлений того, что наши эксперты называют *управленческим кризисом*.

Похожая картина наблюдалась в последние годы советской власти, перед перестройкой. Тогда тоже царил «консенсус бездействия», как назвал эту ситуацию в разговоре для нашего проекта экономист Андрей Мовчан. Другое ее определение — «плохое равновесие»⁴: элитные кланы боятся действовать и даже открыто говорить о проблемах, опасаясь утратить место в системе власти.

Прошло время авторитарной модернизации — масштабных программ, которые эксперты готовили для начальства («Стратегия-2020», программа Центра стратегических разработок 2017 года). Фундаментальные основы системы — политический авторитаризм и государственный капитализм — трогать нельзя. Можно лишь технократически улучшать механизмы изнутри, предлагать не политику и стратегию, а конкретные шаги и действия с коротким горизонтом планирования и быстрым политическим эффектом. Авторитарная система может терять легитимность, но она не должна терять лояльность масс и легальность — процедуры должны формально соответствовать законодательству, пусть и репрессивному по своей сути.

ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ: КАТАЛОГ РИСКОВ

Задумывая наш проект, мы исходили из того, что для системы существует множество рисков и вызовов (политических, социальных, экономических, даже психологических), способных привести к тому, что нынешнее поколение управленцев просто не доживет до благостного окончания «своего века», а «потоп» начнется раньше, чем кажется. И тогда нам показалось важным составить своего рода каталог рисков. Мы сочли возможным использовать метод углубленного опроса ряда ведущих экономистов из разных сфер и разных стран, в том числе тех, кто работает на государство (часть из них по естественным служебным причинам просили не упоминать их фамилии). Всего согласились и нашли время (что не одно и то же) ответить на наши вопросы устно или письменно 23 экономиста. Двое из них иностранцы, много лет работающие в российской бизнес-среде, несколько человек живут и работают за границей⁵.

Опрос/разговор проводился по следующей матрице:

- Какие, на ваш взгляд, три-четыре главных вызова (необязательно социально-экономических) стоят перед страной?
- Какие, на ваш взгляд, существуют ключевые вызовы для российской системы власти, связанные с тенденциями экономического развития/стагнации России? Какой у этих вызовов временной горизонт (когда они станут актуальными)?
- Какие из упомянутых вами вызовов самые серьезные и почему? Какие кризисы они могут спровоцировать?
- Какие из вызовов/кризисов могут реализоваться быстрее других (в каком примерно временном горизонте)?
- Какими могут быть последствия реализации тяжелых сценариев — массовые протесты, «бунт» элит, «бунт» предпринимателей, большая волна эмиграции, еще большее ужесточение политического режима и еще большее вмешательство государства в экономику, смена власти сверху, что-либо еще?
- Осознают ли, на ваш взгляд, российские власти те или иные стоящие перед политической системой экономические и социальные вызовы и предпринимают ли они какие-либо шаги для их купирования? Или степень удовлетворенности экономической политикой такова, что власти большинство этих вызовов не видят или не хотят видеть (или неточно выбирают способы решения проблем)?
- В чем вы видите основные препятствия для адекватных ответов государства и общества на эти вызовы?
- Каковы шансы российских властей в рамках нынешней модели политической власти справиться с вызовами и кризисами или в рамках существующей системы эти проблемы решить невозможно?

Разумеется, экономисты были вольны отвечать на вопросы в любой последовательности, а какие-то из них игнорировать. В конце концов, это исследование не чисто социологическое: нам было важно понять с помощью серьезных экспертов, какие вызовы существуют, и подвергнуть их систематизации и анализу.

ВЫЗОВЫ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

- Исследование показало, что вызовы и вытекающие из них потенциальные или уже разворачивающиеся кризисы в высокой степени *переплетаются и взаимозависимы*. Например, часто упоминавшийся экспертами-экономистами кризис человеческого капитала как едва ли не основной риск для развития страны является одновременно и причиной, и следствием неэффективности российской экономической системы. Слабый экономический рост, стагнация реальных располагаемых доходов, низкоквалифицированные рабочие места ухудшают качество человеческого капитала. Низкокачественный человеческий капитал, в свою очередь, ограничивает возможности экономического развития и увеличения производительности труда.
- Потенциальные риски и кризисы не всегда разворачиваются с одинаковой скоростью. Временной горизонт отдельных вызовов — таких, например, как декарбонизация экономики (изменение энергетического баланса), существенное падение доходов бюджета, глубокий экономический кризис, утрата Россией военно-технологического паритета с Китаем и США, нарастание количества техногенных

и логистических катастроф, ощущение эффекта депопуляции, — оценивается примерно в 10–15 и более лет. Некоторые вызовы — например, неравенство доходов, богатства, возможностей и прав — актуализировались уже сегодня и находятся в развитии, это *риски и сегодняшнего, и завтрашнего дня*. Тревожные тренды в образовании (в частности, отказ от получения высшего образования в пользу среднего профессионального из-за низких доходов семей и стремления быстрее выйти на рынок труда) обозначились уже сегодня и в среднесрочной перспективе (примерно 5 лет) могут негативно сказаться на качестве человеческого капитала. Многие наши эксперты отмечают, что потенциальные кризисы в разных сферах разворачиваются параллельно и одновременно, однако точно определить, какой из них и в каком временном промежутке «выстрелит», непросто.

- Адаптивность существующей политэкономической системы к потенциальным и уже существующим вызовам оценивается как достаточно высокая. Соответственно, *как низкая оценивается вероятность изменений*, которые могут быть начаты по решению верхов заняться политикой модернизации или в связи с «бунтом» элит или низовыми протестами. Слишком глубокие изменения могут разрушить балансы сил и интересов, устраивающие эти элиты.
- *Понимание элитами наличия ряда вызовов* в целом присутствует. Притом что есть все-таки некоторая разница между силовыми и «гражданскими» элитными кланами. В связи с наиболее очевидными рисками, на которые еще

в начале года не обращали внимания и в которые не верили, начинается бюрократическая суэта. Например, в правительстве создаются рабочие группы по адаптации российской экономики к глобальному энергопереходу — по сути дела, группы по спасению доходов бюджета⁶.

Однако в подходе к проблемам преобладает стремление каким-либо образом адаптироваться к ним, не меняя фундаментальных основ системы. И, *соскочив с нефтегазовой ренты, придумать себе другую ренту*. На такого рода поиски обратил внимание экономист Олег Буклемишев: «Модернизационные попытки прошлого в России часто опирались на потоки ренты, выжимавшиеся из определенных слоев населения и хозяйствующих субъектов. Поэтому сокращение объема доступной углеводородной ренты при необходимости решать задачи глобальной конкуренции (даже в самом консервативном их прочтении) будет вновь вести к поискам ренты в других областях (натиск на металлургов и прочих экспортеров тому свидетельство)⁷. Перераспределительный императив, отчасти объективный, будет тем самым придавать импульс росту государственных механизмов».

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ, НЕРАВЕНСТВО, СОЦИАЛЬНАЯ АПАТИЯ

Гигантская по своей емкости и важности тема, на которую обращают внимание практически все эксперты, — *снижение качества человеческого капитала*. Этот вызов «касается всех сторон жизни России и приводит к деградации всех институтов, в том числе и государства» (Евгений Гонтмахер), и он является «цивилизационным», так как спосо-

бен привести, по определению Сергея Алексашенко, к «оглуплению населения». «С долгосрочной точки зрения самая главная проблема России — это разрушение человеческого капитала. Россия обладает важным конкурентным преимуществом, но это конкурентное преимущество — система образования, уважение к человеческому капиталу — постоянно разрушается, образованные люди уезжают, вузы и школы отстают от своих конкурентов. И тем самым может оказаться так, что уже через 10 или 15 лет в России не будет очевидных источников экономического роста, сокращения отставания от соседей» (Сергей Гуриев).

Конечно, этот сюжет связан с политикой — в конце концов, эмиграция, пусть и не массовая, продолжается, как и вынужденные отъезды тех, кого преследуют по политическим мотивам. Тема эмиграции не раз затрагивалась экспертами: большинство в отъезде активных и квалифицированных граждан трудоспособного возраста видят серьезную проблему, ведущую к снижению качества человеческого капитала, особенно молодых когорт. «К 2030 году трудоспособное население не досчитается 7 миллионов человек» (Никита Масленников). Кроме того, *важно не только кто уезжает, но и кто остается*, кто готов приспособливаться к текущим политическим и экономическим обстоятельствам, в том числе с рисками маргинализации. Это бюджетозависимые слои населения («бюджетники»); те, кто предпочитает работать по найму за небольшую, но стабильную зарплату без рисков инициирования собственного частного бизнеса; миллионы людей, выбирающих надежную карьерную траекторию силовиков, военнослужащих, спецслужбистов, полицейских; чиновники разных уровней власти. Одно из наших предыдущих исследований показало, что граждане в мас-

се своей выбирают стабильную работу, в том числе и прежде всего в государственном секторе, хотя мечтают о большей независимости для своих детей, а независимость — это частный бизнес⁸. Однако поколение «детей», молодежь в силу особенностей российского рынка труда тоже выбирает предсказуемые и более спокойные карьерные траектории, связанные с работой на государство или крупные компании: у представителей этой генерации, даже если они хорошо относятся к бизнесу, нет другого выбора по причине огосударствления экономики (об этом свидетельствуют результаты фокус-групп, которые мы проводили в августе 2021 года в ходе изучения настроений молодежи, и массовые опросы)⁹.

К этой категории относятся, по замечанию одного из экспертов в области образования, люди, чьи семьи финансово не могут потянуть хорошее высшее образование. Да и не нужно оно, ведь на рынок труда легче и быстрее выйти, надев форму полицейского или отличительный знак менеджера торгового зала, среднего профессионального образования здесь вполне достаточно¹⁰. В системе этого среднего профессионального образования далеко не всегда востребованы рабочие специальности; нужны неквалифицированные рабочие или «менеджеры», готовые сидеть на телефоне и механическим голосом перебрасывать звонок клиента в какой-нибудь технический отдел.

По замечанию того же эксперта, данная ситуация «свидетельствует о сокращении ресурсов семей и о сжатии временного горизонта при выборе образовательных траекторий: будущее (стратегически) не строится. Это косвенно подтверждает, что экономика не развивается, сложное знание и современные компетенции не нужны. То же самое

показывает и ситуация с дополнительным профессиональным образованием (ДПО): все призывы его развивать ни к чему не приводят, повышения квалификации не происходит, экономика его не требует, в социальной сфере (врачи, учителя) ДПО все более формально. Временной горизонт, когда население четко осознает, что у детей „плохо с будущим“, лет 5–7».

Но качество человеческого капитала сопряжено и с другими проблемами. Это и диспропорции регионального развития (в том числе потому, что квалифицированная рабочая сила распределяется неравномерно, тяготея к Москве, Санкт-Петербургу и нескольким очень немногим резервуарам рабочих мест), и не слишком высокое качество здравоохранения и образования, где тоже существуют региональные диспропорции. Это и сокращение трудоспособного населения вкупе с его старением, и стагнация производительности труда при неспособности рабочей силы ответить на технологические вызовы. Неравенство и бедность также не способствуют улучшению качества человеческого капитала. Да и резко ухудшившаяся ситуация с соблюдением прав человека и прав собственности снижает экономическую отдачу от бесправного и апатичного работника.

Депопуляция уже идет — на фоне высокой смертности, низкой рождаемости и сокращения миграционного притока. Концентрация населения в трех макрорегионах — «Большой Москве», «Большом Петербурге» и на оси «Ростов — Краснодар — Сочи» (Дмитрий Прокофьев) — еще больше усугубляет процессы депопуляции в оставшихся регионах, которым начинает не хватать работников трудоспособного возраста. Происходит «размложение» рабочей силы (Владимир Гимпельсон).

Эксперты, как уже было отмечено выше, хотя и не ждуют массовой эмиграции, но подчеркивают, что утечка мозгов будет продолжаться.

«Текущий дефицит качественной рабочей силы особенно проявляется в сфере ИТ (а, например, в медицине — в работе с современным оборудованием), количественно нехватка работников на любой крупной стройке достигла уровня, при котором возникли инициативы по привлечению солдат, заключенных и увеличению притока мигрантов» (Владимир Гуревич). Все это вместе вызывает *высокую степень социальной апатии*, неготовность предпринимать усилия для улучшения своего социального статуса, приспособление к ухудшающимся внешним обстоятельствам как к «новой нормальности». По замечанию одного из ведущих российских экспертов в области социальной политики, считающего социальную апатию самым серьезным вызовом, *«этот кризис системно перерастет в другие виды кризисов. Технологический разрыв не может быть устранен работниками, у которых отсутствует мотивация, немотивированные и низкооплачиваемые работники не могут повысить производительность труда, социальная индифферентность населения делает возможными любые изменения политического курса во внутренней и внешней политике, создавая предпосылки в том числе для политического кризиса (который может быть неострым, но затяжным)»*.

Олег Буклемишев называет один из подвидов такого вызова *социально-технологическим*: «Значительная часть современных технологий носит социальный характер и требует определенного состояния общества для их реализации (те же цифровизация или вакцинация). Выстроенный в России меха-

низм общественного управления не опирается на обратные связи с обществом и оттого не способствует внедрению современных технологических решений в интересах большинства или ведет к извращению этих решений».

Снижение качества человеческого капитала во многом обусловлено низким уровнем жизни, консервацией бедности (и здесь, отмечают эксперты, не должны вводить в заблуждение официальные статистические данные), снижением или стагнацией реальных располагаемых доходов населения. Причем, по сути, власти закладывают стагнацию доходов в целевые показатели, возможно, сами того не замечая: «Даже в качестве национальной цели до 2030 года назван рост доходов не ниже инфляции (т. е. цель будет считаться достигнутой, если реальные доходы в это десятилетие будут просто стагнировать)» (Владимир Гуревич).

Стагнация доходов дополняется рисками инфляции, снижением покупательной способности населения. С точки зрения ряда экспертов, это может способствовать росту протестных настроений, поэтому государство будет вынуждено делать все, чтобы «заполнить холодильник» (Йохан Вандерплатсе, Владимир Гимпельсон). Проблема, впрочем, не решается просто социальными подачками: здесь уже речь идет об изменении модели экономического развития, на что власти — и об этом разговор ниже — не пойдут.

Неравенство — «сокрушительная бедность одних и неправомерное богатство других» (Олег Вьюгин) — еще один фактор деградации человеческого капитала, тесно связанный с темой стагнации доходов. Но речь идет не только о доходном неравенстве, региональном неравенстве или так назы-

ваемом неравенстве богатства. Один из экспертов обозначил проблему так: «Неравенство не только в классических терминах, но и неравенство с точки зрения предоставления базовых общественных услуг, грубо говоря, состояние инфраструктуры, состояние системы здравоохранения, системы образования, качество госуслуг с, мягко говоря, неравным доступом к такого рода базовым услугам для разных категорий населения <...> И когда я говорю про неравенство, я имею в виду не только неравенство социальное в части неравенства доходов, но и неравенство прав».

ОБЩЕЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВЫ

Все эксперты постоянно подчеркивают, что экономические вызовы, то есть главным образом «*потеря экономической конкурентоспособности в мировом масштабе*» (Олег Вьюгин), имеют политическое происхождение. «Главные вызовы, которые стоят перед российской политической системой, — это вызовы, связанные с отсутствием экономического роста. Российские политические институты заостенели, они находятся в таком состоянии, которое не позволяет создавать стимулы для инвестиций, привлекать иностранные деньги, защищать права собственности, защищать конкуренцию, обеспечивать равенство перед законом. Без этого невозможно рассчитывать на экономический рост» (Сергей Гуриев).

Очевидна и *связь экономических рисков с еще одним вызовом — пандемией*, причем ее последствия трудно оценить: прогнозы неустойчивы и постоянно опрокидываются текущей эпидемиологической

конъюнктурой и влиянием пандемического фактора на рынки, включая рынок труда.

В этом смысле речь идет о *глобальном вызове*, не исключительно внутрироссийском. Как подчеркивает один из экспертов, экономический вызов «не только внутренний, но и внешний. Последствия экономической политики многих стран (особенно развитых), связанных с пандемией коронавируса, крайне сложно пока просчитать. Если инфляция активов продолжится, то инвестиции будут снижаться, экономический рост замедлится во всем мире, не только в России. Кроме того, не исключен достаточно тяжелый финансовый кризис, который, став глобальным, вызовет и серьезные политические потрясения (ср. Великая депрессия). Ситуация, когда долги во всем мире растут, не может продолжаться постоянно. Тем более что идет как бы продолжение финансирования неэффективной экономики за счет неэффективных денег».

Общеэкономические риски напрямую связаны с *экологическим вызовом*, причем это не только в чистом виде экологические проблемы, но и очевидное изменение структуры экономики (что, в свою очередь, вызвано декарбонизацией), и конкуренция за новые рыночные ниши. По оценке одного из экспертов, в России экология — «это нарастание экологических проблем, связанных с мусором и неумением его утилизировать (отсутствуют современные технологии), цена человеческой жизни достаточно низка, чтобы власть активно вкладывалась в решение данной проблемы. Но население видит в ухудшении экологии еще одно свидетельство нарастания бедности и того, что власть не располагает необходимыми ресурсами и „его — население — кинуло“ <...> „Зеленая экономика“ — это прежде всего поиск ниш для новой экономиче-

ской деятельности (заводы по производству батарей, электромобилей, ветряков и т. п.), а не решение собственно экологических проблем».

Технологическое отставание эксперты также связывают с природой политического режима, невосприимчивого к инновациям и к тому же склонного к самоизоляции. «Консервация технологической отсталости в рамках паразитирования на природных ресурсах может в перспективе до 2050 года привести к выпадению России из мировой экономической системы и критическому ухудшению экономического положения населения» (Михаил Крутихин). «Связанные с технологическим отставанием сложности в поддержании военного паритета и создании инновационных видов оружия. При высокой степени закрытости этой сферы в открытых источниках делалась оценка, согласно которой возможность поддержания военно-технической автономии ограничена перспективой в 15–20 лет. Надо также учитывать, что в современных условиях — и это общемировая тенденция — развитие вооружений обеспечивается трансфером технологий от гражданских отраслей в оборонпром, а не наоборот, как было несколько десятилетий назад» (Владимир Гуревич).

В то же время «российские власти будут инвестировать в технологии, которые позволят собирать информацию о жизни простых граждан — через системы видеонаблюдения, распознавания лиц, сбора данных в социальных сетях, — с тем чтобы, как это устроено сегодня в Китае, пытаться предотвращать протесты, видеть, где возникают риски возникновения протестов, и в этом смысле новые технологии могут помочь российским властям ограничить проблемы, связанные с отсутствием обратной связи» (Сергей Гуриев).

ИЗМЕНЕНИЯ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ БАЛАНСЕ И ДЕКАРБОНИЗАЦИЯ

Декарбонизация — это, пожалуй, один из немногих вызовов, на который российские власти обратили внимание. Да и то потому, что, как было сказано выше, они нуждаются в замене одной ренты на другую без отказа от перераспределительной политики. При этом что вызов декарбонизации может оказаться как среднесрочным, так и долгосрочным. «Сокращение спроса на нефть способно уже к 2040 году создать серьезные проблемы для финансирования страны. Стимулирование нефтедобычи через налоговые льготы не поможет, поскольку, несколько увеличив нефтеэкспортный потенциал, оно сократит поступления в госбюджет (схема „тришкин кафтан“). Рынок займут поставщики нефти с меньшей себестоимостью, а российская нефть окажется неконкурентоспособной» (Михаил Крутихин). Характер оценки властями вызова зависит от степени испуга элит: еще вчера перемены в энергетическом балансе не воспринимали всерьез, а сегодня вдруг все забежали и стали лихорадочно, в бюрократическом раже анализировать последствия.

Конечно, «глобальный энергетический переход и декарбонизация необязательно будут происходить по самым радикальным сценариям, однако, и более скромной трансформации достаточно для нарастающих потерь российской экономики уже в этом десятилетии. 3–5 млрд долл. ежегодных потерь экспортеров из-за введения ЕС углеродного сбора — наименьшая из проблем. Гораздо серьезнее возможная утрата прежних позиций за счет сжатия важнейших рынков сбыта сырья (а также и другой продукции при переносе на нее требований „ответственного производства“). Скорость этого процес-

са будет во многом определяться динамикой рынка электротранспорта, которая уже сейчас отличается от ожиданий даже двухлетней давности; аналогичную картину дает и ретроспективный анализ прогнозов развития „зеленой генерации“ на протяжении всех 2010-х годов» (Владимир Гуревич).

Проблема не исчерпывается исчезновением бюджетной устойчивости (а значит, и возвращением темы государственных долгов) за счет потери доходов от нефти и газа. Речь идет о принципиальном изменении структуры мировой экономики: «На среднесрочном прогнозном горизонте (скажем, до 2027 года) темпы российской макродинамики в 1,5–2 раза отстают от общемировых. По классике, это стагнация с признаками структурного кризиса. Дело, однако, осложняется тем, что глобальное хозяйство набирает скорость транзита в обновленную структуру (ESG-повестка [учет в работе компаний экологических, социальных и управленческих критериев. — Прим. авт.], энергопереход, глобальный минимальный налог на корпорации, перебор вариантов торгово-инвестиционных региональных партнерств, поиск путей реформирования ВТО и снижения мирового суверенного и корпоративного долга и т. п.). РФ пока едет в этом „поезде“. Но не в купе, а скорее в тамбуре» (Никита Масленников).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, РАСШИРЕНИЕ ВНЕРЫНОЧНОГО ПРОСТРАНСТВА, СВЕРХЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И САМОИЗОЛЯЦИЯ

Итак, существенная часть экономических вызовов носит, по сути, *политический характер*. Это важ-

ный сюжет, который предопределяет, возможно, главную проблему: «Ключевым противоречием является разрыв между долгосрочным трендом на модернизацию — технологическую, образовательную, культурную, с одной стороны, и охранительно-консервативной политикой нынешней власти, с другой» (Владимир Гимпельсон).

Фундаментальной причиной длящихся годами и не решаемых годами же экономических проблем многие наши эксперты считают *несменяемость власти* и, соответственно, существующей авторитарной политической модели: политика напрямую влияет на экономику. Прежде всего, речь идет о вмешательстве государства во все процессы в политике, обществе и экономической системе.

Доминирование государства в политике, уничтожение им каналов обратной связи с обществом приводит к *чрезмерному государственному вмешательству и в экономику*, что ограничивает инвестиции, формирует многочисленные социальные слои зависящих от государства людей, а значит, снижает активность малого и среднего бизнеса и производительность труда. Этот вызов еще можно назвать «расширением внерыночного пространства» (Владимир Гуревич): «По мере ухудшения экономической ситуации, растущего влияния санкционных ограничений, возврата инфляционных угроз, желания повысить темпы роста и масштабы инвестиций устойчиво растет вмешательство государства в экономику практически по всем основным направлениям: цены, распределение прибыли, норма рентабельности, сферы инвестирования, экспорт и импорт, закупки и сбыт (плюс к этому не прекращаются изменения в налогах, тарифах, пошлинах и самом фискальном законодательстве). Экономика, пусть и с низкой эффективностью, продолжает функционировать потому, что

остаётся все еще рыночной. Однако при сохранении темпов и характера регуляторной экспансии рыночное пространство может сузиться за несколько лет до такой степени, когда неизбежной станет проблема уже политического выбора: „Куда — туда или сюда?“ Все это время группы влияния и крупные игроки будут бороться за сохранение квазирыночных свобод для себя».

При этом, отметил один из наших экспертов, вмешательство государства в экономику тоже имеет ограничения — ресурсные (государство не все может взять на себя, что-то оно будет оставлять частному бизнесу) и административные (государство не все способно администрировать, особенно будущи управленчески не слишком эффективным).

Неконкурентоспособность сегодняшней политической модели «носит характер исторической развилки» (Никита Масленников): дальнейшее сколько-нибудь динамичное развитие в рамках существующей системы просто невозможно. Кроме того, как заметил один из участников опроса, сам по себе будущий процесс передачи власти может оказаться слишком серьезным шоком для политической, а значит, и экономической системы.

Политический режим с чрезмерным вмешательством государства во все сферы жизни «сдерживает экономический рост» (Сергей Гуриев); *формирует сверхцентрализованную систему управления* (на это обращали внимание почти все участники нашего опроса/разговора), которая «непригодна для управления страной такого размера, как Россия» (Элина Рыбакова).

Среди прочего систему отличает свойство, ведущее к крайней неэффективности управления: ни-

жестоящие этажи этой системы не берут на себя ответственность за принятие каких-либо решений. Кроме того, централизация и компетентность управленцев входят в противоречие с объективными трендами общественного развития. Возникают противоречия «между централизацией полномочий и наличием управленческих компетенций; между централизацией управления и неучтенными интересами возрастающего числа и объемов меньшинств; между централизацией полномочий и нежеланием брать реальную ответственность; между централизацией ресурсов и реальными двигателями развития, определяемыми рынком» (Олег Буклемишев).

Дефицит обратной связи и коммуникаций, в том числе с профессиональными сообществами, мешает адекватно формулировать экономическую политику: «Структурная политика — это всегда коммуникации и постоянный диалог принимающих решения относительно экономики и тех, кого они касаются. С этим дело пока не слишком спорится» (Никита Масленников).

В контексте темы централизации Сергей Гуриев обратил внимание на проблему, «связанную с тем, что российские власти не получают обратной связи из-за централизации, из-за подавления свободы СМИ, из-за цензуры. Российские власти не очень хорошо представляют себе, как устроена жизнь простых российских граждан. Но в некотором роде это часть их сознательной стратегии — они сознательно уничтожают систему обратной связи, потому что риски, которые содержит система обратной связи с точки зрения развития альтернативных точек зрения, — эти риски для российской власти большие, чем преимущества получения обратной связи».

Курс на *политическую самоизоляцию*, конфронтационное поведение во внешней политике, полагают эксперты, контрпродуктивны не только с точки зрения ухудшения инвестиционного климата и закрытия от новых идей и технологий, но и потому, что они создают слишком опасное напряжение в отношениях с США и ЕС, ведут к потере потенциальных союзников. Параллельно, с точки зрения ряда экономистов, возникает «*угроза разрушения военно-технологического паритета между Россией и США и Китаем*» (Олег Вьюгин) — в смысле отставания Российской Федерации и в этой сфере.

Самоизоляция обуславливает общеэкономическое отставание: «Без участия в международной кооперации, без доступа к передовым идеям и технологиям, к опыту и капиталу развитых стран Россия обречена на консервацию отсталости» (Михаил Крутихин).

Политическая линия режима — охранительно-консервативная, противоречащая объективному общемировому модернизационному тренду. Она сама по себе тормозит развитие, но, кроме того, искажает понимание процессов, происходящих в мире и в России, провоцирует неточные и/или *иррациональные реакции* на события и тренды. «Уничтожая политическую конкуренцию, выбирают неработающие или экономически неоптимальные решения» (Олег Вьюгин).

В результате *сама по себе неадекватная оценка рисков и оказывается главным риском*. Владимир Гуревич: «Риски изменений оцениваются выше рисков статус-кво. Когда изменения становятся неизбежными и неотвратимыми, риски, с ними связанные, могут реализоваться в наиболее радикальной форме. Такова величина рисков статус-кво».

Особое значение в практической политике, влияющей на деградацию инвестиционного климата, социальных систем, человеческого капитала и даже на настроения населения, имеет *поведение силовых элит*. Это отдельный вызов. По словам экономиста Андрея Мовчана, происходит «трансформация ролевого самосознания силовой части элиты с позиции „защита системы власти в обмен на привилегии“ в позицию „мы здесь власть“ — ползучий/гибридный силовой переворот (или быстрый переворот в случае смерти первого лица / крупного катаклизма). В качестве промежуточного вызова — рост экономического влияния „силовой корпорации“, включая развитие подпольных и нелегальных бизнесов, в том числе с экспортом услуг, перенаправление налоговых потоков в сторону теневых силовых структур и пр.».

Впрочем, наверное, трудно назвать происходящее «переворотом», скорее, это процесс эволюции российского авторитаризма, становящегося все более силовым и репрессивным не в противоречии, а в соответствии с планами высшей власти.

ЕСТЬ ЛИ ПОНИМАНИЕ ПРОБЛЕМ В ЭЛИТАХ? И БУДУТ ЛИ ОНИ ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ?

Большинство опрошенных экономистов — в том числе те из них, кто приближен к центрам принятия политических решений, — сходятся во мнении, что *понимание проблем в российском истеблишменте присутствует*. Главная проблема — снисходительная по отношению к обществу самоуспокоенность: «Они считают свою экономическую политику идеальной — им удалось расцезь экономику на несколько частей — „экспортную“, где

все прекрасно, „государственную“, где все не хуже, и „внутренне-потребительскую“, где все хуже год от года, но у ее обитателей есть возможность перебраться в первую или вторую. Это то же самое, что несколько стран с неформальными границами» (Дмитрий Прокофьев). «Обществу отказано в субъектности, как и при коммунистах („шеф-повар лучше знает, чего вы хотите“ ©). Шеф тем временем живет в своем мирке, мало пересекающемся с реальностью, и кормит публику сырыми лангетами, которые все привыкли перчить и дожаривать до готовности сами в меру умений и вкусов» (Олег Буклемишев).

То есть само по себе понимание необходимости перемен парадоксальным образом будет сдерживать принятие необходимых для этих изменений решений. Механика, считает Михаил Дмитриев, примерно такова: «Адаптацию к условиям глобального энергетического перехода будут сдерживать влиятельные специальные интересы, представляющие традиционные энергосырьевые сектора экономики.

Также этому будут препятствовать повышенные риски ведения бизнеса, особенно для средних и крупных компаний. Это будет сдерживать инновации и освоение новых рынков в несырьевых отраслях, где необходим ускоренный рост для компенсации потерь в традиционных отраслях специализации российской экономики».

В то же время, как отметил, например, Олег Бьюгин, власти «не считают, что эти вызовы способны пошатнуть получаемые материальные бенефиты от существующей политической системы на горизонте существования». Это та самая логика: «на наш век хватит» и «после нас хоть потоп». Или опти-

ка, которую можно описать в терминах социолога Джеймса Скотта — *seeing like a state* («глядя на проблемы глазами государства») ¹¹. К тому же «издержки разворота растут с каждым новым километром репрессий и запретов. Страх перемен правит политикой» (Владимир Гимпельсон); «власть не дает ответа на вопросы, поскольку ее собственный КРП — несменяемость, а остальное все — вторично» (Василий Солодков); «ответы на вызовы вполне адекватны, если исходить из того, что задачей правителей является извлечение ренты и максимальная продолжительность правления. При таких задачах трудно ожидать других действий» (Дмитрий Травин).

«Российские власти полностью осознают все риски и проблемы, существующие в стране, — считает Сергей Гуриев. — Просто их интересы отличаются от интересов простых граждан, их интересы противоречат интересам развития страны, они полностью удовлетворены статус-кво, их цель — удержать власть. И в этом смысле не стоит удивляться, что их действия направлены на усиление репрессивного аппарата, усиление цензуры, инвестиции в пропаганду, а не в человеческий капитал, использование внешней политики для внутренних целей».

«Осознания вызовов не может не быть, однако власть ведет себя как временщик, не имея реальных долгосрочных планов и перспектив, — оценивает ситуацию Михаил Крутихин. — Модель поведения верхнего эшелона — монетизация административного ресурса, причем срочная». Изменение модели поведения истеблишмента «потребуется переделки привычек элит и „обычаев“ власти (например, большей умеренности в популистском патернализме, поскольку производительность труда — в том

числе функция от опоры граждан на самих себя). Готова ли власть к самотермидору, большой вопрос» (Никита Масленников).

«Все всем очевидно: арифметика и дух стагнации неумолимы, — констатирует Олег Буклемишев. — Никто из экономических управленцев не занимается оптимизацией в силу высоких персональных и управленческих рисков, действует молчаливый стовор о сохранении статус-кво на относительно коротком горизонте текущего политического управления, за который почти никто не заглядывает».

В результате возникает «консенсус бездействия». Его модель Андрей Мовчан описывает так: «Россия как социальная система не создает стоимость, а добывает ее в виде сырья (для чего требуется около 1% населения) и дистрибутирует внутри страны; полученная стоимость легко консолидируется в руках правящей группы, которая в целом получает от этого большие выгоды, чем от развития диверсифицированной экономики, предполагающей конкуренцию. Защита контроля за процессом распределения добавленной стоимости предполагает подавление независимых очагов формирования стоимости, то есть подавление предпринимательского процесса и диверсифицированного роста экономики. В силу того, что элита удерживает правильный баланс распределения стоимости, для общества гарантированное получение его скромной доли от ресурсной добавленной стоимости с учетом рисков смены модели и рисков подвергнуться репрессии является предпочтительным по сравнению с принятием риска перемен модели и вступлением в борьбу с элитой. <...> При этом вся элита полагает, что в этих условиях *консенсус бездействия*

является наиболее разумной стратегией, особенно с учетом того, что серьезные проблемы уже многократно прогнозировались и всегда «откладывались» и есть большая надежда, что они не реализуются в горизонте планирования. <...> велика и роль первого лица, которое является ценным настолько, насколько способно поддерживать консенсус бездействия, или, „по-кремлевски“, стабильность; понимая это, само первое лицо категорически противится любым переменам, стремясь отвечать на вызовы увеличением ригидности системы».

Кроме того, «существенным риском представляется возможное нарастание популизма среди населения под влиянием кризиса в сочетании с ослаблением запроса на развитие. Это послужит препятствием на пути долгосрочной демократизации политической системы и ограничит возможности проведения экономической политики, направленной на развитие» (Михаил Дмитриев).

«Мои русские друзья, — замечает один из иностранных бизнесменов, принявших участие в опросе, — часто говорят мне: „Не недооценивай степень цинизма среди людей во власти“. Это вынуждает меня думать, что власти рассчитывают на пассивность и лояльность рядовых россиян. Получается, что сложившееся положение вещей — это именно то, к чему элита стремится».

Несмотря на серьезность вызовов, почти никто из экспертов не ожидает в обозримой перспективе «ни падения, ни демократизации режима» (Дмитрий Травин), ни тем более шагов власти по реальному изменению вектора развития в рамках существующей политэкономической модели — в этом едины все 23 опрошенных экономиста.

АКТУАЛИЗАЦИЯ РИСКОВ И ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА

Эксперты не говорят напрямую о политических последствиях своих экономических прогнозов. Однако большинство участников исследования сходятся во мнении, что существенная часть описанных социально-экономических рисков актуализируется на горизонте 10–15 лет. Это означает, что к 2024 году обозначенные проблемы еще не будут по-настоящему прочувствованы ни российским обществом, ни элитами. Следовательно, можно предположить, что режим имеет все шансы пройти очередную развилку президентских выборов без большого напряжения и без необходимости серьезных изменений. Однако следующий президентский срок уже не выглядит таким безоблачным.

В период с 2030 по 2036 год, если не раньше, неизбежно произойдет актуализация описанных рисков, прежде всего — энергетического перехода, а также проблемы деградации человеческого капитала. Последняя включает в себя усиление патерналистских настроений населения, которые будет трудно удовлетворить, если упадут доходы государственного бюджета. Власть оказывается заложницей своей же бюджетоцентричной позиции и стремления к большим государственным интервенциям в экономике. К этому добавляется проблема старения и приближающегося неизбежного физического обновления российского истеблишмента, в том числе и института президента (напомним, что в 2030 году Владимиру Путину исполнится 78 лет). Способность одряхлевшей политической верхушки справиться с надвигающимися рисками вызывает сомнения.

При этом, как отмечает один из экспертов, «выход из ситуации будет намного сложнее, чем в 1990-е, когда развитые страны быстро развивались и были заинтересованы в России, в том числе как новом рынке. В ближайшее время у развитых стран будет много своих проблем — не до России».

Получается замкнутый круг: власть не создает иных источников для развития, кроме ренты. Постепенное исчезновение ренты и снижение возможностей для перераспределения национального богатства через государственные механизмы при угнетенном состоянии частных малых и средних бизнесов и гражданского общества — все это готовит очень серьезные проблемы для следующих поколений, живущих за пределами 10–15 лет существования «путинской элиты».

Стагнация в самом широком смысле слова — от экономической депрессии до социальной апатии — единственно возможный средне- и долгосрочный сценарий для России. Но пенять здесь не на кого. Как говорилось в одной из пьес господина Мольера: «Ты этого хотел, Жорж Данден!»

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: *Pismennaya Evgenia, Quinn Aine*. Siluanov Says Russia May Lose Out on Energy Transition / Bloomberg. 2021, July 8 // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-07-08/finance-minister-warns-russia-may-lose-out-on-energy-transition?sref=QmOxnLFz>.
- 2 См.: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>.

